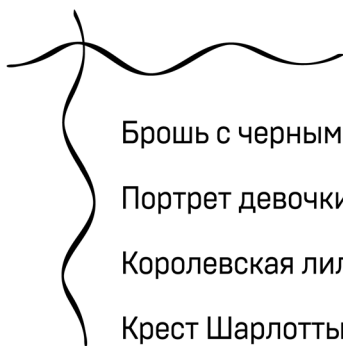

вечерний детектив

Читайте
остросюжетные романы
Елены ДОРОШ
в серии «ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ»:

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

Елена ДОРОШ

Антикварная
история

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Дорош, Елена.

Д69 Антикварная история : [роман] / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-168354-2

Маша Заречная невольно становится участницей волнующих и трагичных событий, связанных с появлением в антикварном салоне, где она работает, старинной сабли и наградной сабли, принадлежавшей герою Гражданской войны. Выясняется, что эти вещи непостижимым образом связаны с судьбами многих людей, давно ушедших и ныне живущих. Один из них – Вадим Гильберт, семья которого долгие годы несет бремя обвинения в предательстве. Сможет ли Маша установить истину и спасти доброе имя русского офицера?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош. Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168354-2

*Моему прадеду
Измайловцу Онуфрию Дорошчу
посвящается*

СОБОЛЕВ

После обеда заработали гаубицы. Значит, часа через полтора пойдут огнеметчики, подумал полковник Соболев и поплотнее прижался к стенке окопа. За спиной послышалась ругань, и на землю рядом шлепнулся капитан Белецкий. Страхивая с шинели комья глины, он продолжал крыть всех и вся.

— Плохо пообедали, Белецкий? — покосившись на раздраженную физиономию капитана, поинтересовался Соболев.

— Напротив, полковник, я отлично подкрепился тухлой тушеной капустой и остатками прогорклого сала.

— Чего же тогда не в духе?

Соболев подкрутил кольцо настройки диоптрия полевого бинокля и продолжил осмотр позиций.

Гаубицы разродились очередным залпом. Бруствер взметнул грязную мешанину из глины и снега.

— Да твою мать! — снова ругнулся Белецкий.

— Капитан, вы же интеллигент в десятом поколении. Какого черта вы материтесь, как девица, которой наступили на новые галоши?

— Девицы матерятся? Это какие же?

Белецкий с интересом уставился на Соболева.

— Полковник, вы расширили круг общения? Не знал.

— Один — один, — вздохнув, признался Соболев и опустил ся на дно окопа.

— Мне кажется, сегодня атаки не будет, я прав? — спросил капитан.

— Ты чего злой такой?

— Да надоело все. Три дня назад должны были подвезти патроны.

— Так привезли же.

— Для нагана. Пять коробок. Пять! А надо было тридцать и для трехлинейки! Идиоты! Мы что, наганами от артиллерии будем отстреливаться? Почему в тылу одни кретины? Как их туда отбирают? Меряют линейкой объем мозга?

— Сколько патронов для винтовок есть в наличии?

— Один ящик. Это на час скромненькой стрельбы. А дальше что? Пойдем в пштыковую? Так мы даже дойти не успеем! Они нас еще на подходе из «максимов» покрошат! Их у них знаешь сколько? Да что пулеметы! Разведка доложила: немцам на позиции скоро пштурмовые бронированные машины подвезут. Танки называются. В переводе с английского — лохань. Ничего себе название придумали. Только выпустили.

Соболев устало посмотрел на расстроенного капитана.

— Не пойму, зачем ты мне все это рассказываешь?

— Выговориться хочу. Сестрица в письме написала, что любые проблемы следует проговаривать с доверенным лицом. Тогда, дескать, волнение стихнет.

— И разум просветлеет?

— Вроде того. Она на курсы ходит какие-то. Отличный способ, правда?

Соболев кивнул и подумал, что способ и в самом деле неплох. Он бы тоже хотел проговорить все, что накопилось на душе. Сесть бы с Анютой у камина, обняться, уютно накрывшись толстым английским пледом, и говорить, говорить, говорить...

Гаубицы бабахнули. Бруствер выбросил кучу грязи.

— Атаки сегодня действительно не будет. Пойдем погреемся немного, — предложил Соболев. — Мне ночью опять на позиции.

Пригибаясь, он побежали по извилистым переходам, чавкая сапогами. На дежурстве офицерам отдыхать полагалось в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок, пол, устланный для тепла сучковатыми досками. Лучшее, что можно было придумать. Солдатам приходилось не в пример хуже. Следуя передаваемому из поколения в поколение правилу, окопники половину шинели расстилали

на снегу прямо в траншее, ложились на них, тесно прижавшись друг к другу, и укутывались другой половиной шинели.

В трех километрах от позиций жилье у офицерского состава было чуть получше. Командному составу досталось несколько изб, в которых можно было хоть как-то отгородиться от остальных. Соболев, как старший офицер, имел даже свою конурку с окошком. Его, правда, пришлось завесить тряпьем, но так было даже теплее. Глиняная печка находилась за дощатой перегородкой. Там вместе с хозяевами разместился денщик. Спать ему выпало на лавке, потому что печка была занята ребятишками. Но это лучше, чем на полу.

Завалившись в землянку, офицеры долго топали ногами, стряхивая налипшую глину. В землянках печка не полагалась. Греться приходилось, как выражались солдаты, «пердячим паром». Штабное начальство было уверено, что печной дым обнаружит их позиции. Как будто немцы их не знали! Сами они грелись вовсю, потому над вражескими окопами столбиком поднимался густой дым.

Покосившись на спящего в углу прапорщика, офицеры усадились бок о бок на лавке. Расторопный Белецкий тут же вытащил откуда-то штофик из зеленого стекла.

— Выпьем для согрева?

— «Казенка»? — спросил Соболев.

— К сожалению, только шнапс, полковник. Наши два дня назад после атаки из немецких око-

пов притащили. Маловато, конечно, да и тот разбавленный. Эти швабы, они такие скупые, что даже водку разбавляют. Вот какой в этом толк, скажи?

— Никакого. Наливай.

Дмитрий разлил водку по стаканам, они чокнулись и выпили.

— «Целый штоф выпил я до дна и в тот день не ходил со двора», — пропел строку из Некрасова на мотив вальса Штрауса капитан и с сожалением добавил: — Штоф был бы уместнее в данной ситуации. Штофик — это, брат, сущие пустяки.

— И правда разбавленный, — с сожалением сказал Соболев.

— Нет, вот ты скажи, Николай, — заговорил неутомонный Белецкий, — какого дьявола мы переделали «максимы» под мосинский патрон, если пулеметов все равно нет? Два, и тех клинит на каждом шагу. Гаубица 122-миллиметровая вроде есть, а вроде и нет! Кой черт она нужна, если к ней нет снарядов? Артиллерийская бригада ушла в отпуск по ранению? А еще хвастались, что у них трехдюймовки работают как часики. Как часики, слышь? Что-то не слышно этих часиков с прошлой недели.

Николая давно перестали раздражать разговоры про дикую нищету русской армии, совершенно ни на что не годное воинское начальство и устаревшее до самой позорной низости вооружение. Он вообще старался об этом не думать. Не было никакого смысла. Надо просто делать свою работу, и все. Белецкий же по молодости лет жаждал

справедливости и искренне не понимал, как можно было довести да такого состояния еще недавно самую грозную армию в мире. Однако совсем не размышлять на эту тему он не мог. За четыре почти года этой жуткой войны он дважды терял весь состав подразделения. И это были не какие-нибудь «лапотники», которых набрали абы как. Гвардейские части — элита армии. И этой элиты почти не осталось. Из командного состава тех, кто начал воевать в четырнадцатом, осталось лишь несколько офицеров на весь Измайловский полк. Пришлось штаб-офицерам, к числу которых принадлежали они с Белецким, принять командование подразделениями. Кому что достанется.

— Слушай, давно хотел тебе сказать, — плеснув в стаканы еще по чуть-чуть, сказал вдруг Дмитрий. — Не нравится мне твой денщик. Помню, ты говорил, что справляется он хорошо, да только дело не в этом. Опасно брать из разжалованных, тем более за такое преступление.

Соболев пожал плечами.

— Не поздновато ли разговор заводить? Он со мной два года. И потом. Ну что было с ним делать?

— Да он дикий, этот твой Стах! Подумай только, не поделил с товарищем бабу, так взял его и прирезал!

— Он пьяный был, а во хмелю, сам знаешь, человек себя не помнит. Он раскаивался. Плакал даже. Впрочем, дело тут в другом. Я не из жалости его взял. Стах — опытный и умелый солдат. Он же в разведчиках служил.

— Да знаю я и про разведчиков, и про его прошлые подвиги! Но человек он ненадежный. Сейчас сам понимаешь, какое время. Среди солдат агитаторы кипят. Большевики какие-то. Дерзкие ребята. Говорят, что со дня на день Временное правительство падет. Тогда такое начнется! Кое-где, слышал, уже братания с врагом начались. Твой Стах на всех офицеров волком смотрит. Как ты такому не боишься доверять свою жизнь?

Соболев посмотрел на взволнованное лицо друга и, встав, достал с небольшой полочки хлеб и завернутое в тряпицу сало.

— Сейчас каждый солдат на счету. Тем более такой, как Петр. На, закуси, а то сам с похмелья буйным станешь.

— Да отлично, что стану! Подниму всех в атаку и пойду со знаменем впереди! Сметем этих немцев с лица земли!

— Ну вот, уже началось. Отрежь-ка мне сала кусок.

— А колбасы не осталось? Был хвостик.

— Окстись, Белецкий. Того хвостика уж сутки простыл и след. На вот сыру. Правда, он кое-где заплесневел от сырости.

— Ничего, завтра нас сменят, наедемся щей наваристых да каши с мясом. Тут из полевой кухни вообще ничего есть нельзя. Как эта серая масса, которой нас потчуют, называется, не знаешь?

Соболев допил пшанс и, морщась, откусил сыра.

— И все же подумайте, господин полковник, насчет Стаха. Говорю вам...

Дверь в землянку распахнулась, и в засыпанной снегом шинели вошел именно тот, о ком они только что говорили.

— Ваше высокоблагородие, — бодрым голосом произнес денщик, отдавая честь, — прислали сказать, что смена будет только после обеда. Майор Хрящевитов заболел, его в госпиталь увезли. Вместо него прибудет капитан Отроков, но позже, как поспеет из штаба полка.

— Какая чудесная новость! — издевательским тоном воскликнул Белецкий.

— Хорошо, Стах. Можешь идти отдыхать, я вызову, если понадобится.

Белецкий проводил Стаха, снег на котором так и не растаял, недобрым взглядом.

Соболев разбудил спящего прапорщика и отправил проверять посты. За ним вышел и капитан.

Завернувшись в шинель, оставшуюся от убитого вчера офицера, Николай лег на хранивший слабое тепло недавно лежащего тела топчан и повернулся лицом к каменной стене. Лежать к ней спиной совсем уж невозможно. Начинаешь примерзать. Соболев закрыл глаза и тут же увидел Анюту. Она сидела с вязаньем на кресле у печки, а маленький сынишка копошился у ее ног. Вот тихо вошла нянечка и унесла малыша в детскую. Анюта осталась одна. Вот отложила рукоделье, протянула руку к печному теплу и задумалась. Николай не сомневался, что думает она о нем. Так же, как и он о ней в любую свободную минуту.

— Анюта, — позвал он жену и пробудился.

Дверь землянки вздрогнула и отлетела прочь от взрыва. Николая отбросило к противоположной стене и прижало свалившейся от следующего разрыва балкой. Он задохнулся от удара. В глазах помутилось от дыма и боли. В ту же минуту кто-то очень сильный откинул бревно и, схватив за грудки, немилосердно дернул его на себя. Соболев вскочил, как будто его подкинули, и вовремя. На то место, где он только что был, упала полка.

— Ваше высокоблагородие! — крикнул Петр Стах, ибо это был он. — Держитесь за мной, я выведу!

Они выбрались из обрушившейся землянки и упали на дно окопа. Соболев попытался встать, но денщик сильной рукой прижал его к земле.

— Не время! Обождите немного! Сейчас они огонь переместят, тогда подыдемся!

Николаю казалось, что уши у него плотно заложены ватой. Это от взрыва. Пройдет.

Он отбросил руку Стаха и пополз по траншее на карачках. Надо срочно проверить, насколько сильно пострадали ряды бойцов, и организовать отражение атаки. А то, что атака будет, он не сомневался.

— Ваше высокоблагородие, не вставайте только, — проговорил сзади Стах.

Соболев оглянулся и увидел его лицо. В нем не было ни капли страха.

— Давай за мной! — скомандовал ему полковник, встал и, пригибаясь, побежал туда, где раздавались крики.